оказывается цельным, единым, законченным произведением. Освещение истории создания Константинополя, его процветания и гибели в духе христианской историософии, как мирового события, заранее предопределенного, нигде и ни в чем на протяжении всего повествования не нарушается. Здесь каждая часть взаимно дополняет друг друга. Уже на первых страницах повествования о создании Царьграда, согласно концепции автора, рассказывается о дальнейшей судьбе нового города, о том, что „бесерменство одолеет хрестьянства“, а „напоследок пакы хрестьянство одолеет бесерменства и Седмохолмаго приимут, и в нем въцарятся“. Провиденциальная точка зрения на подлинную историю Царьграда искусно поддерживается в центральной части повествования рассказом о чудесных „знамениях“ и свое наиболее яркое выражение получает в заключительной части „Истории“, когда вновь вспоминаются уже в первой части приведенные слова Григория Схолария (христиане „Измаилта победят и Седмохолмаго приимут... и в нем въцарятся“) и делается ссылка на „Видения Даниила“. Наконец, и в послесловии гибель Византии объясняется „преужасным и предивным изволением божиим“.

Но о цельности, единстве, законченности „Истории“ свидетельствует не только единство ее идейного смысла. Это же подтверждается и некоторыми особенностями ее лексики и фразеологии. Так, например, с начала и до конца „Истории“ последовательно и многократно повторяются одни и те же наименования высших чинов византийского двора: в первой части „Истории“ — „и абие цесарь... посылает в Византию магыстров“ (2); „събра цесарь вельмож и мегистан и магистров“ (2); „начаша делати... домы славны вельможам и мегистаном“ (3); в центральной части „Истории“ — „цесарь повеле вельможам и мегистаном“ (7); „и повеле магистром“ (11); „стратигом же и мегистаном и всим конником приспевшим“ (34); „цесарь же паки помолився стратигом и всим мегистаном и вельможам“ (35); „стратиги же и мегистаны и вси вельможи... отведоша цесаря“ (35); „и падоша стратиги и мегистаны и вси вельможи“ (36).

Так же последовательно в разных частях „Истории“ встречается такое редкое слово, как „поле“ в значении: портик, крытая галлерея (улица), навес, предназначенные „на торгование“, площадь. В первой части „Истории“: „Създа же цесарь и полату великую, иподрому предивную и две поле устрои, рекше, улице покровены на торгование“ (4). „Поле“ здесь — искаженное греческое ἐμβολοι, что легко восстанавливается по соответствующему тексту „Хроники“ Георгия Амартола: „Създав же полату и подърюмье и две имъполи, рекше улици покровене, и търг ризныи“.[1] В конце „Истории“ вновь трижды встречается это слово: „и посла град чистити, улицы и поля“ (38). В списках младшей редакции: „и посла во град чистити улици и площади“.[2] „И пришед на поле у великия церкви, слезе с коня“ (39). Редактор XVI века переводит: „И пришед на площадь у великиа церкви, слез с коня“.[3] Несколько ниже здесь же читаем: „Видев исшедших полно поле и во все улици идущих много“ (39). И в данном случае в более поздней редакции „Истории“ слово „поле“ переводится „площадь“.

Далее, трижды (в первой части, в центральной и в послесловии)

[1] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920, стр. 339.
[2] ПСРЛ, т. VIII, 1859, стр. 142; т. XII, 1901, стр. 96; т. XXII, 1911, стр. 459.
[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 143; т. XII, стр. 96; т. XXII, стр. 459.